

МЕХАНИЗМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ СЦЕН РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Билан Н.И.

В условиях глобализационных процессов, характерных для современного мирового сообщества, все больше людей становятся субъектами полилога культур. Для обеспечения эффективности межкультурного общения его участникам необходимо уметь различать, сопоставлять и понимать общее и специфическое в языковых картинах мира партнеров коммуникации. Данная статья посвящена изучению общего в механизмах концептуализации объектов действительности на основе универсального семантического признака активности / пассивности на материале русских и английских пословиц.

На современном этапе фразеология, в предметную область которой включаются микротексты (пословицы, клише, постоянные речевые формулы и тексты молитвословий), преодолела, по определению В. Н. Телии и В. И. Постоваловой, кризис структурно-таксономической парадигмы и приблизилась к антропологической парадигме и лингвокультурологическому анализу [7; с. 32].

В русле лингвокультурологического анализа в образном основании значения фразеологизмов распознаются элементы значения, «...которые принадлежат их культурной семантике и обеспечивают их способность служить средством презентации символярия «языка» культуры» [9; с. 23]. Таким образом, лингвокультурология изучает механизмы знакового представления средствами фразеологических единиц категорий культуры и функционирование фразеологии в роли «констант культуры» (термин Ю. С. Степанова [9]) [6; 7].

Лингвокультурологический анализ фразеологии дополняется в настоящее время лингвокогнитивным и другими видами анализов в рамках антропологической лингвистики [3]. В то же время возникновение когнитивной лингвистики предопределило дальнейшее развитие теории метафоры, что обусловлено метафоричностью понятийной системы мышления человека [5]. Принимая во внимание метафоричность пословиц русского языка, следует признать важность изучения их семантико-синтаксических структур в рамках таких теорий, как семантический синтаксис, функциональная грамматика и когнитивная лингвистика.

Когнитивный подход к изучению языковых фактов лежит в основе падежной грамматики Ч. Филлмора. Ч. Филлмор и Дж. Лакофф, работы которых можно отнести к порождающей семантике, считают, что лингвистические исследования должны являться частью построения модели мышления и что создание моделей языковой деятельности должно проводиться в соответствии с теорией познания [4]. Начиная выявление организации высказываний на семантическом или концептуальном уровне с формальных показателей поверхностной структуры, конечной целью семантико-синтаксического анализа Ч. Филлмор видит изучение когнитивных сцен, создаваемых или активизируемых высказываниями [11, с. 519].

Дж. Лакофф достоинство падежной грамматики видит в том, что она позволяет формально объяснить, каким образом значение целого может быть больше, чем значение отдельных его частей [4, с. 366]. В нашей работе это объясняется тем фактом, что, реконструируя семантические структуры высказываний на основе их поверхностных формально-грамматических представлений, Ч. Филлмор учитывает роль

скрытых – глубинных, не имеющих непосредственной репрезентации категорий. Поэтому именно падежная грамматика, по мнению зарубежных, российских и украинских лингвистов, способна выработать достаточно эффективную методику определения скрытых грамматических категорий. Когнитивные сцены, моделируемые высказываниями, образуются системой семантических падежей, значения которых представляют собой набор универсальных понятий, соответствующих абстракции наблюдаемых в ситуациях реальной действительности отношений и отражению этих понятий, имеющих реляционное значение, во всей системе языка.

Проведя семантико-синтаксический анализ русских и английских пословиц, мы пришли к выводу о необходимости изучения их гиперструктур с целью определения диагностических семантических признаков гиперроли агенса. В результате осуществленного исследования было установлено, что этими основными признаками являются категориальные понятийные значения активности, потенциальности, причинения и бенефактивности. Таким образом, концептуальный каркас русских пословиц, образуемый ролями агенса и пациенса, анализируется нами на основе выявления значений понятийных категорий и формального представления соответствующих им языковых категорий модальности, залоговости и каузальности.

Обращение к значению синтаксических структур предложений позволило увидеть классифицирующее значение понятийных категорий и соответствующих им лексико-грамматических категорий для создания типологий семантических структур предложений. Понятийная категория определяется Т. В. Булыгиной и С. А. Крыловым как «... замкнутая система значений некоторого универсального

семантического признака или же отдельное значение этого признака безотносительно к степени его грамматикализации и способу выражения («скрытому» или «явному»...)...» [1, с. 216].

Понятийные категории соотносятся с соответствующими им грамматическими категориями. Ю. С. Степанов различает категориальные и реляционные, то есть синтаксические грамматические значения. В то время как реляционные, предназначенные для соединения слов и других значимых частей речи в синтаксических структурах, тесно связаны с морфологией конкретного языка, категориальные значения универсальны. Категориальные грамматические значения Ю. С. Степанов определяет как системы парных противопоставлений из положительных и отрицательных членов, оппозиций. К категориальным значениям Ю. С. Степанов относит, например, такие оппозиции, как «субъект – предикат», «субъект – объект», «активность – неактивность», «одушевленность – неодушевленность», «действие – состояние» [10, с. 438].

Ю. С. Степанов отмечает, что категориальные грамматические значения функционируют в то же время и как реляционные, и как элементарные семантические признаки, семы в лексиконе, таким образом в предложении всегда присутствует некоторый «общий признак субъекта и предиката» – семантический компонент (сема).

Признание взаимосвязи и взаимообусловленности, существующей между лексикой и синтаксисом, является важнейшим положением лингвистики. Пронизанность синтаксиса лексикой принимается в качестве исходного утверждения большинством лингвистов. Однако лингвистический анализ языкового материала, осуществляемый

лингвистами, свидетельствует о различном понимании степени этой взаимообусловленности и масштабах ее проявления.

Так, Ю. С. Степанов демонстрирует «общий признак субъекта и предиката» на примерах глаголов *гореть* и *сжигать*, которые парадигматически противопоставлены по признаку «состояние – каузация этого состояния», а в синтагматике один из этих признаков глагола «...«сжигать» требует активного субъекта, способного к каузации («человек», «противник», «кочегар» и т. п.), в то время как у глагола «гореть» один из этих признаков требует субъекта состояния («уголь», «рукопись», «поселок» и т. п.)» [10, с. 439].

Следует отметить, что, несмотря на фундаментальную разработанность автором принципов семантико-синтаксического подхода к изучению предложения, из приведенной цитаты видно, что традиционные лексические и формально-морфологические классификации накладывают ограничение на предлагаемую семантико-синтаксическую трактовку языковых данных.

Вышеупомянутый термин Ю. С. Степанова «общий признак субъекта и предиката» коррелирует с термином «длинный семантический компонент», используемым этим автором в его книге «Индоевропейское предложение». В этом труде Ю. С. Степанов приходит к выводу о возможности гипотетически реконструировать два основных типа предложения в прото-балто-славянском языковом материале следующим образом: I-й тип предложения представляет собой сочетание неодушевленного имени существительного «...с глаголом «неодушевленной» диатезы, т. е. через все предложение проходит «длинный» семантический компонент «неодушевленность (неактивность)»; II – сочетание одушевленного имени с глаголом

«одушевленной» диатезы – с длинным компонентом «одушевленность (активность)»» [8, с. 222]. Ю. С. Степанов допускает возможность и такого семантического процесса, как прерывание синтаксического длинного компонента и его концентрация либо в имени существительном, либо в глаголе. В первом случае это влечет за собой образование активных (одушевленных) и неактивных (неодушевленных) групп имен существительных с утратой соответствующего разделения в глаголе. При концентрации значения «длинного семантического компонента» в глаголе это противопоставление в имени утрачивается [там же].

Таким образом, если «длинный семантический компонент» сконцентрировался в одушевленных именах существительных, то предполагается, что значение глагола не может оказывать какого-либо существенного влияния на это значение активности, закрепленное за данной группой имен существительных. С другой стороны, может ли утрачиваться в именах существительных противопоставление по признаку «активность – неактивность», если каждому конкретному имени существительному в каждой конкретной предикации приписывается этот семантический компонент?

Исходной задачей своего исследования Ю. С. Степанов определил создание гипотезы относительно того, какие имена существительные и какие глаголы в протоиндоевропейском языке отвечают признаку «активность – неактивность». Ю. С. Степанов отмечает, что этот вопрос рассматривался до этого лишь в плане лексики и только в последнее время был включен в сферу синтаксиса [8, с. 17]. Эти упомянутые выше и не являющиеся непосредственно наблюдаемыми фактами главные типы протоиндоевропейского предложения Ю. С. Степанов определяет

на основе двух пар противопоставлений: 1) неактивный субъект (вещь) – активный субъект (человек или подобное человеку) и 2) неактивный глагол (соответствующий гомеровским *perfecta tantum* со значением состояния тела) – активный глагол (*activa tantum*) [8, с. 11 – 12, 17 – 18].

Однако автор оговаривает, что понятие «активный субъект» в протоиндоевропейском языке не является четко определенным – включает ли оно только такие сущности, как «человек», или «... все одушевленные сущности, включая животных? Или все живое, включая растения... Или, наконец, вообще все активное, даже не обладающее жизненным циклом, например «ветер»?» [8, с. 12 – 13].

Ссылаясь на исследования Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, Ю. С. Степанов объясняет эти явления пересечения типов предложений переходом протоиндоевропейского языка от активного строя к номинативно-аккузативному, что повлекло за собой перенос доминантной классификации из сферы имени в сферу глагола [там же]. И тем не менее в заключение всего исследования Ю. С. Степанов говорит о длинных семантических компонентах «неодушевленность (неактивность)» и «одушевленность (активность)» [178, с. 222].

Однако изучение языкового материала разных стадий развития языков дает много интересных фактов, не подтверждающих такую трактовку соотношения понятий «активности – неактивности» и «одушевленности – неодушевленности». Показательны в этом отношении приводимые Ю. С. Степановым примеры: «... лат. *licet* актив '(предмет) продается с торгов' – *licetur* пассив '(человек) покупает с торгов'» [8, с. 218] и «...скр. *váhati* актив '(колесница) везет человека' – *váhate* медий '(человек) едет на колеснице'» [там же].

Таким образом, общий семантический компонент субъекта и предиката Ю. С. Степанов выводит из признака «одушевленности – неодушевленности» субъекта. Неодушевленные имена существительные, представляемые в предложениях как активные начала (например, слово *огонь*), Ю. С. Степанов считает не первичными именами и даже не именами в подлинном смысле слова, а извлечениями из соответствующих предикатов, в то время как именованья неодушевленных имен существительных, представляемых в предложениях в качестве неактивных начал, автор считает действительно первичными [8, с. 37 – 38].

Однако такие емкие по смыслу высказывания, как пословицы, дают многочисленные подтверждения активного представления абстрактных понятий, стихий природы и «человеческих стихий» (*сон, работа, служба, война*) [8, с. 57], противопоставляя активность этих субстанций неактивности человека: *Счастье ума прибавляет, несчастье последний отымает* [2, с. 90]; *Нужда научит богу молиться* [2, с. 122]; *Бедность учит, а счастье портит* [там же].

Неактивный одушевленный партиципant семантических моделей ситуаций этих пословиц устранен, но, безусловно, подразумевается, а агенсами являются неодушевленные партиципantы *счастье, несчастье, нужда, бедность* и *счастье*.

В следующих пословицах механизм представления человека неактивным участником ситуации заключается в том, что ответственность за определенное поведение человека с него снимается и, в силу объективных причин, возлагается на неодушевленный предмет, именуемый словом *мошна*, значение которого в данных контекстах синонимично абстрактному понятию *бедность*: *Не душа*

лжет (или: солгала), **мошна** (о честном неплательщике) [2, с. 130]; *Не я лгу, мошна лжет* [там же]; *Не душа вертится, мошна* [2, с. 131].

Превалирующими численно являются и абстрактные существительные в позиции агентивных субъектов поверхностных структур английских пословиц 14 – 20 веков: *Love and a cough cannot be hid* [12, с. 157]; *Love begets love* [12, с. 158]; *Love laughs at locksmiths* [там же]; *Like will to like* [12, с. 151]; *Like breeds like* [12, с. 150]. Метафоричность словесного выражения ситуаций, обозначаемых этими пословицами, не искажает объективности воздействия, оказываемого на человека этими стихиями человеческой жизни и полную контролируемость ими представленных ситуаций.

Необходимо отметить, что в пословицах с охарактеризованными действиями одушевленными партиципантами последние далеко не всегда являются агенсами. В большинстве случаев их активность влечет за собой небенефактивное состояние, характеризующее их как экспериенцеров или пациенсов: *И долго б жил, да жилы порвал* [2, с. 89]; *Век изжил, все прожил – горб нажил* [там же]; *Попал пальцем в небо (прибавка: да в самую середку)* [2, с. 79]; *Летать летаю, а сесть не дают* [2, с. 86]; *Ладил мужичок челночок, а свел на ухвертку* [2, с. 87]; *И хожено и возжено, да легче нет* [2, с. 85]; *Было и плыто, да не добыто* [там же].

При определении ролевого статуса одушевленного актанта диагностическим характером обладает семантический признак +бенефактивности, так как целью всякой деятельности человека является достижение благоприятного (бенефактивного) результата. Так в пословице *Бедность в клюку гнет. Нищета пуще смерти* [2, с. 122] устраненный из поверхностной структуры в силу пассивности его роли

в ситуации отношения *человек – бедность* одушевленный партиципant претерпевает – бенефактивное воздействие агенса *бедность*.

Таким образом, признание фундаментальности роли понятийных и соответствующих им языковых категорий для семантико-синтаксического анализа позволяет признать, что признак одушевленности, являющийся в большинстве ролевых классификаций основной характеристикой роли агенса, занимает периферийное положение в комплексе критериев определения этой роли. Полученные в результате данного семантико-синтаксического исследования русских и английских пословиц принципы ролевого моделирования ситуаций объективной действительности указывают на то, что основные механизмы представления самого активного начала обозначаемой пословицей ситуации средствами как русского, так и английского языка являются общими, что в эпоху современных глобализационных процессов свидетельствует о фундаментальной общности языковых картин мира русско- и англоязычных участников коммуникации.

Библиографические ссылки:

1. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Категория языковая // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.215 – 216.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 3т. – Т. I. – Санкт-Петербург: Диамант, 1996. – 480с.
3. Ковшова М. Л. *Как с писаной торбой носиться*: принципы когнитивно-культурологического исследования идиом // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 164 – 174.

4. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. – Вып. X: Лингвистическая семантика. – С. 350 – 369.
5. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387 – 416.
6. Опарина Е. О. Лексические коллокации и их внутрифреймовые модусы // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 139 – 145.
7. Постовалова В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 25 – 34.
8. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1989. – 247с. – Библиогр.: с. 234 – 246.
9. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – 3-е изд. – М.: Академический Проект, 2004. – 992с.
10. Степанов Ю. С. Семантика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 438 – 440.
11. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. – Вып. X: Лингвистическая семантика. – С. 496 – 531.
12. Simpson John The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. – Second edition – London, New York, Sydney, Toronto: BCA, Oxford University Press, 1992. – 316p.